

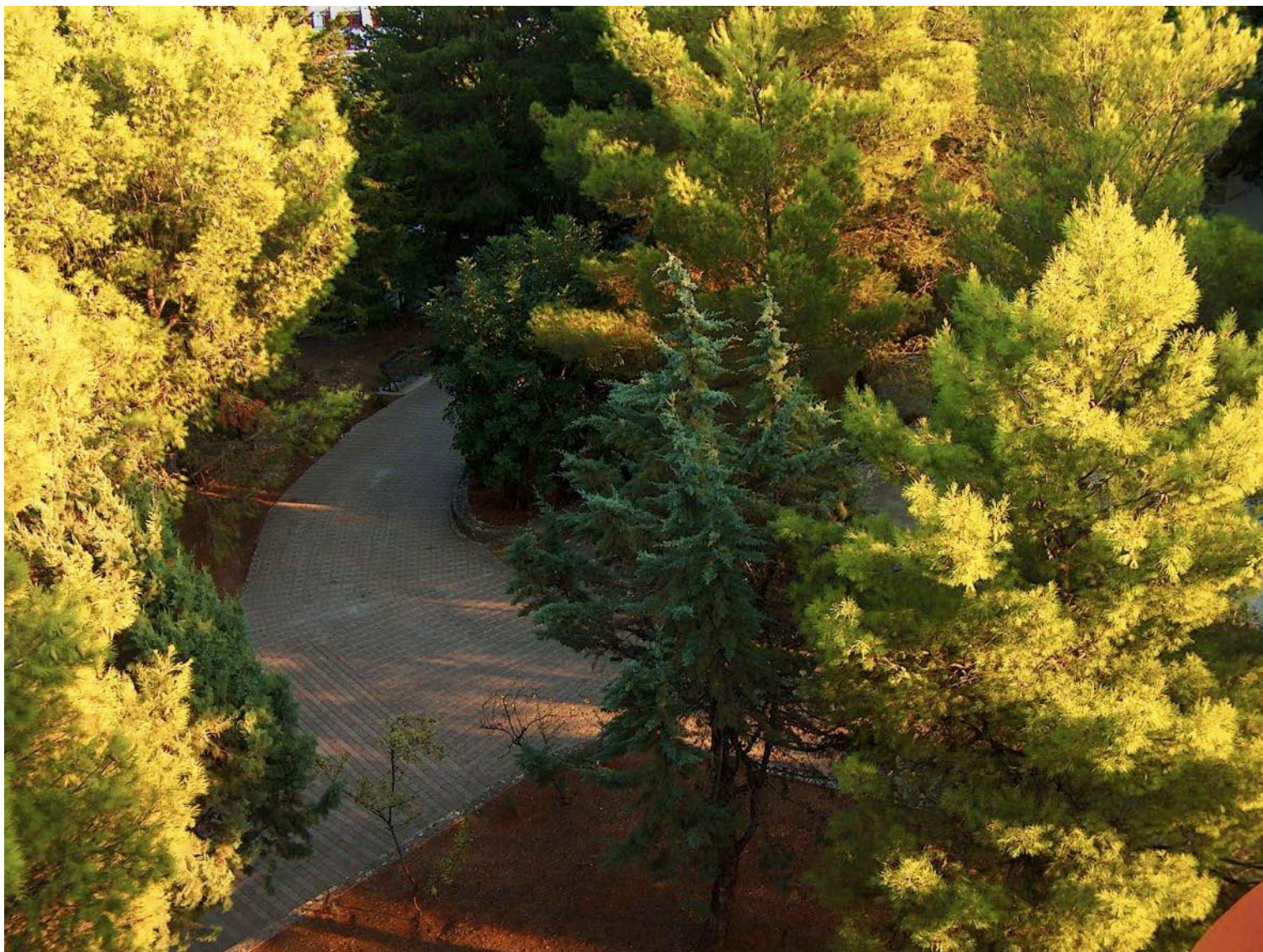
Ольга Квирквелия

***Италия,
свет очей моих...***

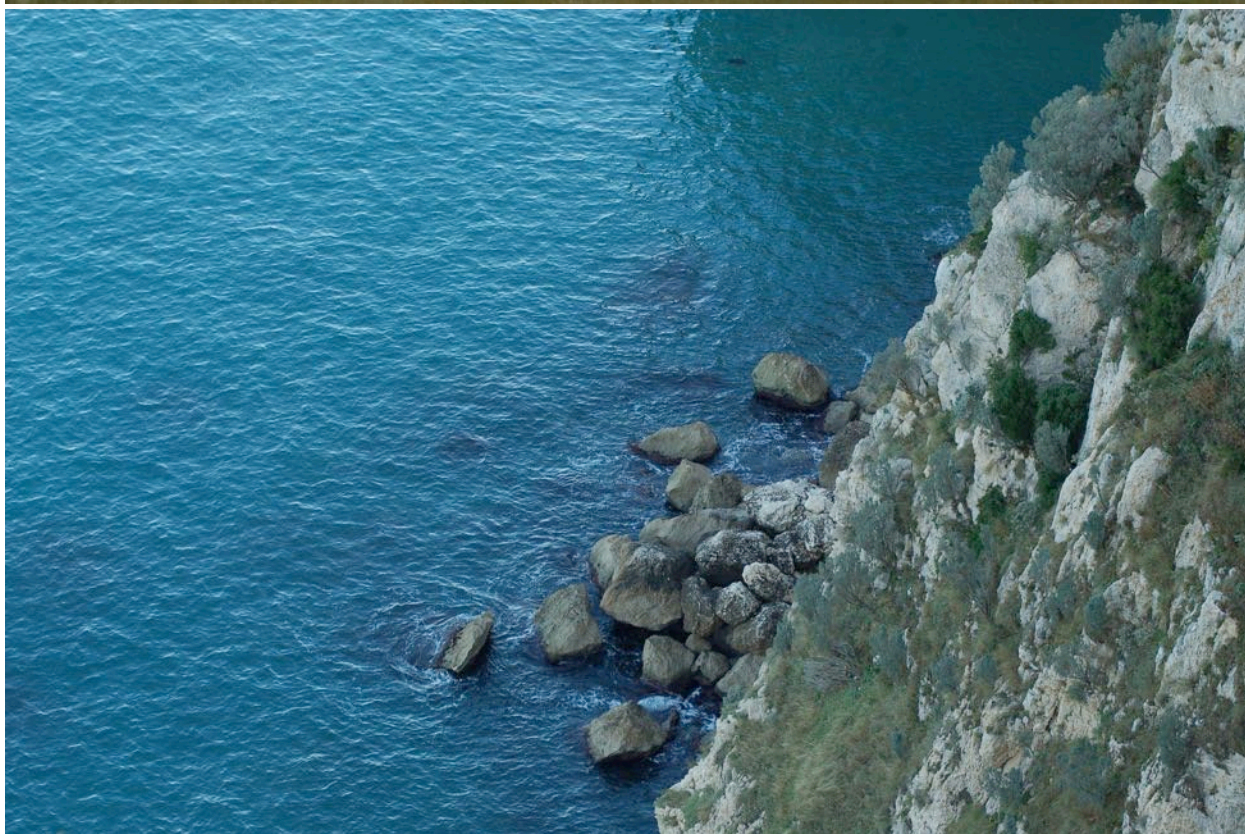
Я люблю Италию. Люблю так, что без нее мне трудно дышать. Все важно, все интересно, все вплетено в ткань моей жизни – и в ткань российской истории. Я знаю ее с детства – по учебнику истории, по залам музеев, по книгам на полках и песням, льющим из радиоприемника. Потом мы познакомились лично, и узнавая ее все лучше, я все глубже понимала Россию – потому очень мало, что в истории моей родины не связано с этой удивительной страной – мировой сокровищницей и сердечным другом. Все дороги ведут в Рим: это на редкость верно, ибо чем бы человек не занимался, он неизбежно придет именно сюда, к истоку всего существующего и сущего...

Удивительно: эта маленькая - по российским меркам – страна (всего 1400 км. с юга на север, а уж с востока на запад – не считая самого севера – вообще не вместила бы Московскую область), отделенная от Европы белоснежными Альпами, а от всей остальной ойкумены – ярко-синим морем, вместила в себя все богатство и красоту мира. Ну, или почти все. Ее омывают 4 моря: Адриатическое, Ионическое, Тирренское и Лигурийское. Их побережья – это и пляжи на любой вкус: и галечные, и песчаные, и обрывистые скалы с фантастическими гротами, и заросли папируса и тростника. Апеннинский полуостров, который занимает Италия, окружен россыпью островов, самые крупны из которых – Sicilia и Sardegna, есть и поменьше, но тоже с громкими именами – например, Капри и Эльба. А уж мелких «жемчужинок» и не счесть. От континентальной Европы со всеми бедами и холодами Италия прячется за Альпами. Самая высокая их часть – выше 4000 м. – находится в Пьемонте, в том числе знаменитый Монблан. Ледники, голые скалы, возвышающиеся над альпийскими лугами, хвойные леса – пейзажи, открывающиеся с перевалов, считающихся самыми красивыми в Европ. Кстати, о перевалах. Величие русского духа отчетливо видно из иллюминатора самолета, когда, пролетая над Альпами, вспоминаешь итальянский поход Суворова. Впрочем, если потом проделать тот же путь на машине, по крутой, извилистой трассе, по колено в облаках, гордость вырастает уже до неприличных размеров...

Но лично для меня истинными драгоценностями стали ледниковые озера – Маджоре, Гарда и другие. Эти сапфиры среди бриллиантов льда, да еще окруженные россыпью изумрудов пышных парков с рубиновыми и аметистовыми искорками цветов – достойная корона, венчающая Италию. Если из 20 регионов Италии только в 4 – Умбрии, Трентино, Вале д’Аоста и Пьемонт – нет моря, то горы есть во всех. Они вообще занимают $\frac{3}{4}$ территории страны (правда, вместе с холмами и предгорьями). Альпы тянутся с востока на запад, а вот второй массив - Апеннины – с севера на юг, от Генуи до Сицилии, разделяя Италию пополам. Восточные склоны, более пологие, сбегают к Адриатическому морю, а западные, более крутые, – к Лигурийскому и Тирренскому. Апеннины, конечно, ниже Альп – здесь только одна заснеженная вершина: Монте Корно, зато землетрясения и извержения вулканов не дают относиться к ним пренебрежительно. Одни Везувий и Этна чего стоят! И озера в кратерах вулканов – Большена, Браччиано, Альбано - особые, удивительного цвета. С гор стекают реки. С запада на восток течет самая длинная река Италии - По (625 км), вторая по величине – Тибр (405 км). Бурливые в истоках, с водопадами, то ярко-синие, то столь же ярко зеленые, в долинах они становятся спокойными и величавыми. Иногда даже слишком спокойными – болота Ломбардии и Лацио тому свидетельство (правда, ныне их почти полностью осушили). Такое разнообразие пейзажей и климатических зон, естественно, сопровождается и многообразием флоры и фауны. Здесь растет все – от клевера и черники до орхидей и камелий, от ясеня и дуба до пальм и кактусов. Многие растения есть и у нас, вот только знать их бывает трудно, такие они сочны и «откормленные». Как-то мы купили на пробу какие-то экзотические плоды, тщательно записав их названия. Ну, ладно, одни из них оказались мушмулой – растением, в России известным, но не слишком распространенным. А вот другие – темно-рыжие, размером с маленькую сливу, приторно-сладкие, были... боярышником! Звери здесь тоже чаще всего знакомые - волки, рыси, медведи, лисы, белки. Среди камней мелькают

ящерицы. Удоды, трясогузки, мухоловки, дятлы – чем не Россия? Вот только орлы и лебеди добавляют экзотики, да еще тюлени и киты. Рыбы, конечно, «море», как и разных морепродуктов. На рыбные рынки можно ходить как в музей. Впрочем, меня большее всего поразили маленькие грузовички, перевозящие огромные туши тунца – этой «морской коровы» - рыбин такой величины «живьем» я никогда не видела. Есть в Италии и реликтовые, редчайшие растения и животные, а в раскопках обнаружили скелеты мамонтов и динозавров. Кто там сказал: «В Греции все есть»? Он поторопился: все есть в Италии.

Страницы истории и патриотизм

Говорить об истории Италии или очень сложно, или очень легко. Италия как страна возникла совсем недавно, полтора века назад, и ее история насчитывает не так уж много крупных событий и политических деятелей. Если же мы хотим говорить об истории жителей Аппеннинского полуострова, то это становится непосильной задачей. Самый лакомый кусочек Европы и не только непрерывно кем-то завоевывался, причем одновременно несколькими врагами. История каждого города – особая, непохожая на историю соседнего городка. Немцы и австрийцы на северо-востоке, французы на северо-западе, испанцы и византийцы на юге, а еще набеги варваров, еще войны с императорами, норманны, арабы, даже русские здесь повоевали. А ведь была еще и мозаика местных правителей – княжеств, герцогств, республик, еще и Папская область, и все они тоже воевали друг с другом, меняя границы своих территорий. Поэтому я не буду перелистывать страницы истории, благо сделала это по регионам, что немного проще. Я хочу поговорить об одном удивительном, особенно для нас, россиян, свойстве итальянцев – об их патриотизме, вернее, о полном и тотальном его отсутствии.

Возникнув не так давно, Италия пока не стала восприниматься как отечество. В Италии живут не итальянцы, а неаполитанцы, сицилийцы, миланцы, римляне... Память о долгих веках вооруженных конфликтов между правителями городов не стерлась, и пизанцы все еще недолгобливают сиенцев, а веронцы – вичентийцев. Неудивительно, что родина – это не страна, даже не регион, а город.

И тут возникает парадокс, для понимания которого нужно все-таки поговорить об истории Италии. Здесь очень трудно представить себе отечественную войну с ее патриотизмом, с самопожертвованием, с геройскими подвигами. По трем причинам: об одной я уже сказала – если отечество это город, а враг

– войско императора, то война – слишком глобальное понятие для такого локального явления. Но это только общее умозрительное положение.

В одном историческом повествовании о конфликте папы и императора я прочитала о столкновении их войск у одного города. Жители этого города, понимая, что дело пахнет керосином, вышли из города, взяв все самое ценное и скот, сели на пригорке, откуда было удобно наблюдать за ходом битвы, и стали заключать пари и делать ставки на победу той или иной стороны конфликта. Когда битва закончилась, победители убрали трупы, унесли раненых, привели город в порядок, и жители вернулись в свои дома. Здесь две важные позиции: эмотивная отстраненность жителей от конфликта владык и полное отсутствие агрессивности по отношению к городу у враждующих сторон. Это две стороны одной медали: действительно, какая жителям принципиальная разница, кто победит? Они так же будут платить налоги, победителю в любом случае понадобятся земледельцы и ремесленники, то есть по сути мало что изменится. Для воюющих сторон тоже нет смысла разрушать город – в случае победы его придется восстанавливать, если уничтожить жителей, придется откуда-то пригонять новых и налаживать новую систему – не лучше ли постараться не нанести особого вреда, потом слегка подновить и укрепить старое: гораздо экономичней получится. Поэтому не смотря на все войны, в Италии сохранилось так много исторических памятников, поэтому в Палермо, например, такой удивительный симбиоз культур – византийской, арабской, норманнской...

Еще один мотив отсутствия патриотизма и отечественных войн – принцип формирования армий. Военный – это такая профессия, не связанная с понятием родины. Как ремесленник вполне может переехать в другой город и продолжать лепить там свои горшки, так и военный может поступить на службу к владыке другого города или государства. И честно исполнять свой долг, даже в том случае, если воевать придется против владыки родного города – потому что город-то не при чем... И владыке проще иметь наемную армию из чужеземцев, чем из своих подданных, потому что среди последних наверняка найдутся недовольные, а там недалеко и до предательства...

«Учитель: Вася, к чему привела бы победа Наполеона в Отечественной войне 1812 года?

Вася: Мы бы теперь жили во Франции!»...

Дороги Италии

Поскольку столице Италии посвящена отдельная книжка, поговорим здесь о дорогах, начиная со знаменитых римских консульских дорог.

Артерии военных и экономических связей, поддерживавших римское господство и сопровождавшие его поразительную международную экспансию, римские дороги, которые топтал и сохранял два тысячелетия весь мир, оставили неизгладимый след на пересекаемых ими территориях. Несомненно, римляне - величайшие строители дорог древности - сохранили свой приоритет в этой области на долгое время. Только в эпоху Наполеона Европа смогла построить дороги качественно лучше тех, которые создало мастерство римских инженеров. Это они придумали использовать булыжники как основание, чередуя затем слои земли и камней, что сделало дороги способными сопротивляться износу, суровым погодным условиям и оживленному движению. Они всегда искали самые короткие и безопасные маршруты, по возможности придерживаясь поверхности земли, но прокладывая туннели, чтобы преодолеть горные вершины, и пересекая реки и дороги по каменным мостам и сваям всюду, где это было необходимо. Римские строители дорог прокладывали мостовые с врытой колеей на крутых склонах, чтобы по ним могли двигаться их повозки. Эта древняя рационально спланированная наземная система связи способствовало активному перемещению людей и вещей, идей и культур, религий и истории. Так было на всех территориях, находящихся под римским господством, по которым пролегло около 100 000 км дорог, связывающих ареалы 32 современных народов. Развитие и земли, и моря шло вслед за политическим и экономическим развитием Рима. В течение тех столетий, в которые Рим завоевал Италию, связь между строительством дорог и контролем за подвластной территорией как колониальной системой была особенно сильна. Колония Terracina, основанная в 329

г. до н. э. для защиты южных границ Рима, первым делом положила начало строительству Аппиевой дороги, первой великой консульской дороги. Эта дорога имела три функции: гарантировать контроль за стратегически важным в экспансии против горного народа Самниума районом; основать связь с морем и открыть путь в Южную Италию. Объединив центрально-южный итальянский доминион, прежде всего Самниты и затем Taranto - сильную колонию материковой Греции, - Рим был готов сделать решающий шаг к господству над богатым средиземноморским регионом. В этот период экспансия Рима была направлена на Карфаген, североафриканский город, имевший влияние на Средиземноморье. Результатом стала серия войн, в которых Рим одержал триумфальную победу. Карфаген уступил Сицилию, Сардинию и Корсику. За войной против Карфагена последовали другие военные операции в дальних походах как в Македонию и Сирию, так и во Фригию и Понт в Малой Азии. Менее, чем за век Рим установил контроль над всем Средиземноморьем. В течение этого периода, в середине республиканской эры шло плановое строительство дорог, связывающих Рим с другими политическими и военными центрами. Прототипом консульской дороги стала Аппия, строительство которой было начато в 352 г. до н. э. Она связывала Рим и Сарра, ворота Южной Италии. Вскоре были созданы остальные радиальные дороги, соединившие Вечный город со стратегически важными народами - с Ostia и ее портом - Остианзе и Портуензе, с Laurentium - Лаурентина, с Cosa в Pescara - Пирания, с Ardea, Tusculum, Labisena и Nomentium - дороги с теми же именами и с Tivoli - Тибуртина. Если республиканские войны изменили политический характер Рима, увеличив в армии и Римском обществе роль новых классов (поскольку торговцы разбогатели за счет связей с Востоком), то политика дорожного строительства придала обществу новый динамизм. Это объединило и военные, и коммерческие силы. Развитие прибрежной и речной навигации, по многим причинам было предпочтительней для связей на дальние расстояния. В свою очередь дороги использовались на короткие и средние дистанции - во многом благодаря качеству дорожной системы. Построенные в соответствии со стандартной техникой, дороги требовали ложа глубиной 90-120 см., заполненного мелкими камнями и битым кирпичом. Мостовая обкладывалась блоками тесаных камней. Важна была

также длительность их сохранности. За это отвечали жители тех регионов, которые пересекала дорога: система работала хорошо под давлением центральной власти.

Анализируя топографию различных битв, можно заметить значение дорог: они реально определяли военные действия. В них была реальная сила Рима. В этом контексте транспортная система повлекла за собой ряд глубоких изменений, открывающих новые экономические горизонты. Традиционные пути, изначально созданные как пусковой механизм для армии, превратились в общественную коммерческую сеть, используемую для интенсивного движения. Это было в тот период, когда Римское государство освоило дорожную систему, по которой круглый год двигались к новым пастбищам телеги, быки и стада, без опасений путешествовали лошади и экипажи, странники и паломники. Эти дороги, исходящие из Рима, стали артериями экономической системы, связывающими город с его окрестностями; в первое время они имели радиус 10 км. После многочасового путешествия можно было попасть в пригород - полугородскую - полусельскую территорию с маленькими домиками вокруг маленьких полей. Это были фруктовые сады и овощные огороды Рима: по дорогам этого ареала двигались длинные вереницы повозок с продуктами для городских рынков. В этих повозках можно было найти вино, масло и пшеницу из Италии, Испании, Сицилии и Сардинии. В этот период дороги использовались не только для транспортировки, но и как места публичных выступлений, в которых римляне представляли свою интерпретацию вопросов жизни и смерти в хореографических театральных сценах, а также используя для общения послания, образы и другие вечные символы. Они свободно выражали себя вдоль дорог, удовлетворяя свою потребность в общении. Область такой деятельности располагалась вдоль дорог, между тротуаром и полем. У этого пространства не было собственника, она являлась видом свободной территории, где любой желающий мог оставить свое послание, не опасаясь взыскания штрафа. Здесь же, на обочинах дорог, уже за римскими стенами,

появился ряд надгробий и эпитафий, сопровождающий путника, входящего в Рим или покидающего его. Как неогражденное кладбище, обочины дорог стали местом неупорядочно расположенных гробниц, превратившись в род мемориального сада - древняя Аппиева дорога - прекрасный пример этому. Но какова связь между строительством кладбища и потребностью римлян в общении? Ответ прост: римляне видели в гробницах общественные постройки, хранившие не только память членов семьи. Гробницы или позже эпитафии и надгробные памятники создавались для проходящих мимо людей: загробный мир связывался с этим миром через эти эпитафии. Захоронения советовали, просили, угрожали людям. Строя гробницы, знатные люди Рима демонстрировали свою важность и статус. Со временем - с ростом уровня жизни - индивидуальные захоронения стали доступны и простым горожанам, крестьянам и даже рабам. Между 80 и 44 гг. до н. э., т.е. между правлением Помпея и Юлия Цезаря, Рим и Италия стали центром одной из величайших в истории империй, простиравшейся от Британии до Северной Африки, от Испании до берегов Рейна и от Египта до Сирии. Переход к правлению князя, предшественника императора, происшедший при Октавиане Августе, привел к двум векам процветания. В течение этого времени начали появляться некоторые новые материальные, политические и культурные достижения, ставшие образцами западной цивилизации. Между началом правления Октава, ставшего "Солнцем Рима" после смерти Антония в 31 г. до н. э., и смертью Трояна (117 г. н. э.) Римская империя создалась, объединилась и достигла до своего расцвета. В эпоху Августина колонизация завершилась: были построены новые города и освоены новые земли. В это время некоторые из крупных дорог были обновлены, закончены или продлены. Реформы Августина укрепили Тиберий, Калигула, Клавдий и Нерон. Они старались усилить монархический контроль, сталкиваясь с республиканскими традициями, представляемыми сильным сенаторским лобби. Во время правления династии Флавиев (Веспасиан и его дети Тит и Домициан) экономический и политический центр переместился из Италии в провинции. В результате с целью "романизации"

империи вновь начались военные кампании. Они достигли кульминации в 106 г. н. э., когда Траян завоевал Месопотамию и Ассирию и придвинулся к Персидскому заливу. Сеть дорог, связывающих Италию и Империю, вновь приобрела первостепенную важность. Дороги были необходимы для доставки и обеспечения коммерческого круговорота продуктов, прибывающих морем и переправляемых в центры - в Рим, в Александрию в Египте и в Карфаген в Северной Африке. Интенсивность движения сопровождалась специализацией: Египет и Сицилия были житницей империи, Испания и Африка поставляли оливковое масло, используемое в приготовлении пищи и освещении жилища. Италия и Испания экспортировали вино. В течение второго столетия в Рим стали поступать драгоценные камни, богатые одеяния и деликатесы из Малой Азии, Сирии, Египта и даже Китая. В первые два столетия Империи развитие дорог достигло своего пика со строительством длинных трасс, связывающих Рим со всеми регионами Италии и европейскими и средневосточными территориями. Они гарантировали успешную работу почтовой службы и быстрое продвижение гонцов, давая возможность центру управлять удаленной периферией. Число пунктов смены лошадей и мест для ночлега странников возросло. Правительство могло позволить себе финансировать строительство и инженерные работы. Сеть была объединена с водной системой и обрела свою полноту.

Но дороги имели и градообразующую функцию: они требовали ухода и ремонта, а следовательно и рабочих поселений. Путников надо было защищать от грабителей - то есть держать где-то гарнизон. Путникам надо было где-то переночевать, поесть, покормить и сменить лошадей, получить при необходимости первую медицинскую помощь, починить карету - и еще многое могло понадобиться. Для удовлетворения этих нужд и возникали городки, расстояние между которыми было приблизительно равно одному

дню пешего пути, где-то около 20км. Не забудем и о еще одной важной функции этих городков: сбор дорожной пошлины, часть которой оседала в самом городе, гарантируя его экономическое развитие. Особенно бурно развивались города не перекрестках дорог, где устанавливались еще и таможни - дополнительные структуры и дополнительные доходы. Если в России сеть расселения была связана в основном с административными центрами сельскохозяйственных угодий с усадьбой помещика, то в Италии и эту функцию взяли на себя придорожные городки с резиденцией правителя в стратегическом пункте охраны дороги и сбора пошлин. С ростом крупных городов последние часто поглощали мелкие городки - трамвай в Милане или автобус в Римини проходит через несколько городов. Но и на остальной территории Италии редко удастся проехать больше 20км, не встретив ни одного города.

Знакомые все лица

Знаменитых итальянцев и гостей Италии настолько много, что я решила привести здесь мои заметки о самих обыкновенных итальянцах. Заметки эти были сделаны вскоре после моего переселения в Италию, когда она еще удивляла меня.

Пару дней назад Карло пригласил меня в вегетарианский ресторан, а потом долго всем при мне рассказывал, что сумел нас покормить шестью блюдами за 16 евро. В России скорее похвастались бы тем, что только закуска обошлась в такую сумму. Здесь нет: вот ведь какой молодец – и женщину ублажил, и карман не опустошил...

У нас совсем другая любовь – нам надо все время видеться, обо всем рассказывать, все-все рассказывать: как сходила в магазин, какое мясо купила, что сегодня на работе сотрудник рассказал про свою тещу... Здесь не так – хватает очень редких, по нашим меркам, встреч – от силы пару раз в неделю, а то и в месяц. И рассказывают только важное для них двоих. Как с Библией – только история нашего спасения...

В Италии цветы великолепно выглядят, но совсем не пахнут. Даже к лилиям надо принюхиваться....

Самая большая проблема для нас здесь – ожидание. Итальянцы все время страшно заняты, а когда рассказывают, чем, приходишь к выводу, что сплошной ерундой. Им совершенно некогда работать, поскольку львиную долю времени они тратят на общение. Но в конечном итоге все складывается. Человеческие связи дают результат – может быть, больший, чем работа.

Вчера в банке пришлось очень долго оформлять бумаги. Девушка все время извинялась и просила набраться терпения...

Почти все городские часы показывают разное время, и все неправильное. И действительно, что такое час или даже три по сравнению с вечностью...

Итальянский язык как цветы: общее описание правила никогда не соответствует реальному примеру, а если соответствует – теряет свой аромат.

Многие дома похожи на лавки старьевщика – чего там только нет! И совсем не обязательно это ценные вещи, может быть баночка из-под кофе, когда-то красивая бумажка. Просто привычка (со времен основания Рима) ничего не выбрасывать и не уничтожать, а использовать по-иному, поистине жива в итальянцах. «Мы старый мир разрушим до основанья, а затем...» - это не про них...

Любое действие должно быть осмысленно и целенаправленно, здесь очень мало хобби ради хобби. Если ты чем-то увлекаешься, научись делать это хорошо и зарабатывать этим деньги. Работа должна доставлять удовольствие, а удовольствие – приносить деньги. Или хотя бы экономить их.

Хождение по супермаркетам и рынкам – это своего рода охота, которой увлечены все вне зависимости от экономического положения. Найти самый дешевый товар – это как медведя завалить. И плевать, что ехать пришлось за тридевять земель, а на бензин ушло столько денег, что в результате дешевле было купить то же самое в самом дорогом магазине у дома – не в этом смысл...

Удивительно, как много похожих лиц! В Милане мы встретили вылитого Костю Райкина, попадались и «Явлинский», и «Пугачева». Я даже не могу сказать, как выглядит типичный итальянец. И еще раз убеждаюсь, что национальность как категория объективной реальности больше не существует, есть только гражданство.

В маленьких и даже не очень маленьких городах никто не знает названия улиц – ориентируются по зданиям, витринам, памятникам. Да и названия пишутся только в начале и в конце улицы, так что, если ты вышел на нее в середине, то так до конца и будешь пребывать в неведении, где ты, собственно, находишься. Тут даже карта не помогает. И нумеруются не дома, а где что: подъезды, владения, офисы. Так что после дома с вывеской «3» совсем не обязательно будет дом № 5...

По воскресеньям (и не только) старушек вывозят на колясках «в свет» - погулять, выпить кофе в баре, зайти в магазины. Они в принципе могут ходить, но не далеко и не быстро, а гулять лучше всей семьей. Это очень трогательно, но мне, пожалуй, было бы жалко моих детей... Хотя здесь все так трепетно вспоминают своих родителей, что кажется, будто ухаживать за ними было просто счастьем. Как это у них получается?..

По характеру итальянские мужчины сильно отличаются от русских и становятся похожими на них только когда знают о каком-нибудь своем недостатке – это делает их более терпимыми и менее

самоуверенными. А вот женщины такие же, разве что чуть менее склонны к эпатажу и более консервативны во внешности. Но вот длинные волосы не носит никто – жарко, наверное...

Очень трудно сравнивать Италию и Россию. Нам всегда было смешно, когда кто-нибудь звонил из Италии и говорил, что у них страшно холодно: +8°. А ведь правда холодно! На улице – потому что сыро, а в домах – потому что полы каменные.

И все-таки при всей своей сумасшедшей логике итальянские глаголы имеют свой точный и очень верный смысл. Есть четыре мира: реальный, возможный, мыслимый и желаемый – и четыре склонения. Ведь и действительно разные реальности должны по-разному выражаться. В детстве бабушка приучала меня предварять свои высказывания фразами типа «мне кажется», «как я думаю» и пр. А итальянский язык не рассчитывает на хорошее воспитание.

Оказывается, Данте – это имя, а вовсе не фамилия. И Микеланджело. И Рафаэль. А Каналетто – вообще прозвище. Здесь у имени собственная судьба. Если мы можем запомнить, как там звали Троцкого, то не все итальянцы помнят фамилию Франциска Ассизского («Ассизский» - это не фамилия, а место рождения).

В соборе святого Петра в Ватикане есть часовня (капелла) с тремя алтарями, один из которых посвящен святым Ольге и Владимиру, а другой – святым Кириллу и Мефодию. Но она все время закрыта для туристов, поскольку в ней принимают исповеди. Так почти никто из россиян и не знает, что в сердце католической Церкви у них есть свой уголок. А Ольга изображена совсем непривычно, мне

очень нравится – не суровая, а величественная. (Чтобы попасть в эту часовню, надо сходить в ризницу и попросить разрешения).

Телевизор никогда не бывает включен как некий аккомпанемент к готовке ужина, болтовне по телефону, вязанию. Уж если тратить деньги на электричество, то пользоваться на 100%. Положительный, кстати, аспект дороговизны...

Самый ужасный для итальянца вопрос – «почему». Он знает все, в особенности что и как надо делать или не делать. Но вот вопрос «почему» его ставит в тупик и страшно раздражает. А вообще, давать советы – любимое занятие...

Биче была глубоко потрясена тем, что об истории России всерьез можно говорить только с 9 в., и в какой-то момент застенчиво спросила: «А до этого момента вы что делали? Как австралийские аборигены ходили в шкурах, делали каменные топоры и охотились на медведей?». Я ответила, что до этого нас просто не было. Она изумилась: «Как это? Не мог же Бог сотворить вас позже, чем остальных!». Я объяснила, что не было на этой территории, потому что здесь были леса и болота, и холодно, и люди сначала не хотели здесь жить. Она на какое-то время успокоилась и продолжила читать мою статью о Ярославской области, хотя время от времени всматривалась в даты, сравнивая их с событиями веронской истории.

Интернет-кафе должно было открыться в 14.00. Открылось в 14.15: нормальная для Италии ситуация, я о другом. Вместе со мной открытия совершенно спокойно ждали трое мужчин. А когда хозяин наконец прикатил на велосипеде, никто не стал его укорять, а узнав, что у него заболел ребенок, все стали дружно давать советы. Вот вам и хваленый итальянский темперамент! Мы бы уже это кафе разнесли вдребезги пополам...

У меня все время такое ощущение, что здесь все действует сильнее, чем в России – лекарства, стиральные порошки, чай, кофе... То ли у нас все разбавляют, то ли... Не знаю, в общем.

Что слегка раздражает в жилых домах – круглосуточно закрытые ставни. Особенно странно это выглядит в полдень: на улицах никого, ставни закрыты – как будто весь город уехал куда-то... И вечером лишь кое-где пробивается узкая полоска света. Сюрреализм какой-то...

Я привыкла думать, что мы – самая образованная страна в мире, и начала смотреть интеллектуальные игры по телевизору с уверенностью, что буду «щелкать» вопросы (кроме сугубо «итальянских») как орешки. Ничуть не бывало! Но поразило меня не только это. Игроки были из самых что ни на есть глубинок Италии и самых что ни на есть не «умных» профессий – скотник с гор, огородник из крохотного городка, где живет 700 человек... И еще интересно: много вопросов не на знание, и даже не на сообразительность, а на ассоциативное мышление. И это здорово.

Италия – рай для женщин, особенно немолодых и не очень красивых, потому что здесь мужчинам нравятся любые дамы. И дамы эти совсем не стесняются недостатков своей внешности, зная, что они

все равно прекрасны. Это невероятно стимулирует и продлевает молодость. Кстати, о молодости. Я приехала, чувствуя себя заезженной лошадей. У меня даже присказка такая была: «Ну что вы хотите от старой, больной и усталой женщины?». Как-то я употребила ее в разговоре с Фиоренцо. Он среагировал тут же: «Что Вы, Вы совсем не старая, Вы просто зрелая женщина. Старых женщин вообще не бывает». Я спросила про сестер-соседок, которым уже под 100 лет каждой: «И они не старые?» - «Нет, но они уже очень зрелые»...

По телевизору идет игра, в которой нужно угадать профессию десяти человек по внешности. Потрясающее занятие! Это совершенно невозможно сделать! В России отличить профессора от дворника можно практически сразу, хотя бы по рукам. Профессия откладывает неизгладимый отпечаток, особенно на военных и учителей. Даже профессию родителей несложно угадать. А уж руки – просто как справка с места работы. В итальянской же игре за почти 100 игр угадала профессии всех десяти человек только одна девушка. И это понятно. Я знаю звукооператора, который живет в сельской местности, выращивает виноград, делает вино, а дома на компьютере озвучивает фильмы. Его брат, живущий по соседству, разрабатывает программы для автоматизированных систем на табачной фабрике. Знаю профессора, который преподает экономику в университете и выращивает подсолнечник. И руки у всех не только хронически чистые, но и ухоженные: работают в перчатках, да и машин и приспособлений всяких много. Голубая мечта Ленина стереть границу между городом и деревней воплотилась. Но не в России.

Итальянские бабушки жалуются на размер пенсии и дороговизну точно так же, как российские, хотя сравнивать их уровень жизни просто смешно. Наверное, денег всегда и всем мало...

Итальянское телевидение – предмет моего постоянного восторга: никакого насилия и секса вплоть до 23.00! Положительный герой – алкоголик или бабник просто невозможен. А наши замечательные «менты» с «Улицы разбитых фонарей», такие умные и честные, все время «под градусом». Пьянство и мордобой – наши национальные болезни – нельзя победить, пока наши дети видят на экране симпатичных алкоголиков и добрых ребят, то и дело пускающих в ход кулаки... Алкоголики не бывают хорошими людьми, а добрые ребята не бьют морды, а обращаются в соответствующие органы власти. Правда, в этих органах тоже не должны работать алкоголики и не должны бить морды... Замкнутый круг какой-то. А в Италии невероятно умная и тонкая система формирования общественного идеала и норм жизни. Правда, у нас был когда-то Маяковский со своим «Что такое хорошо и что такое плохо». Но его, по-моему, уже нет в школьной программе. Что показательно.

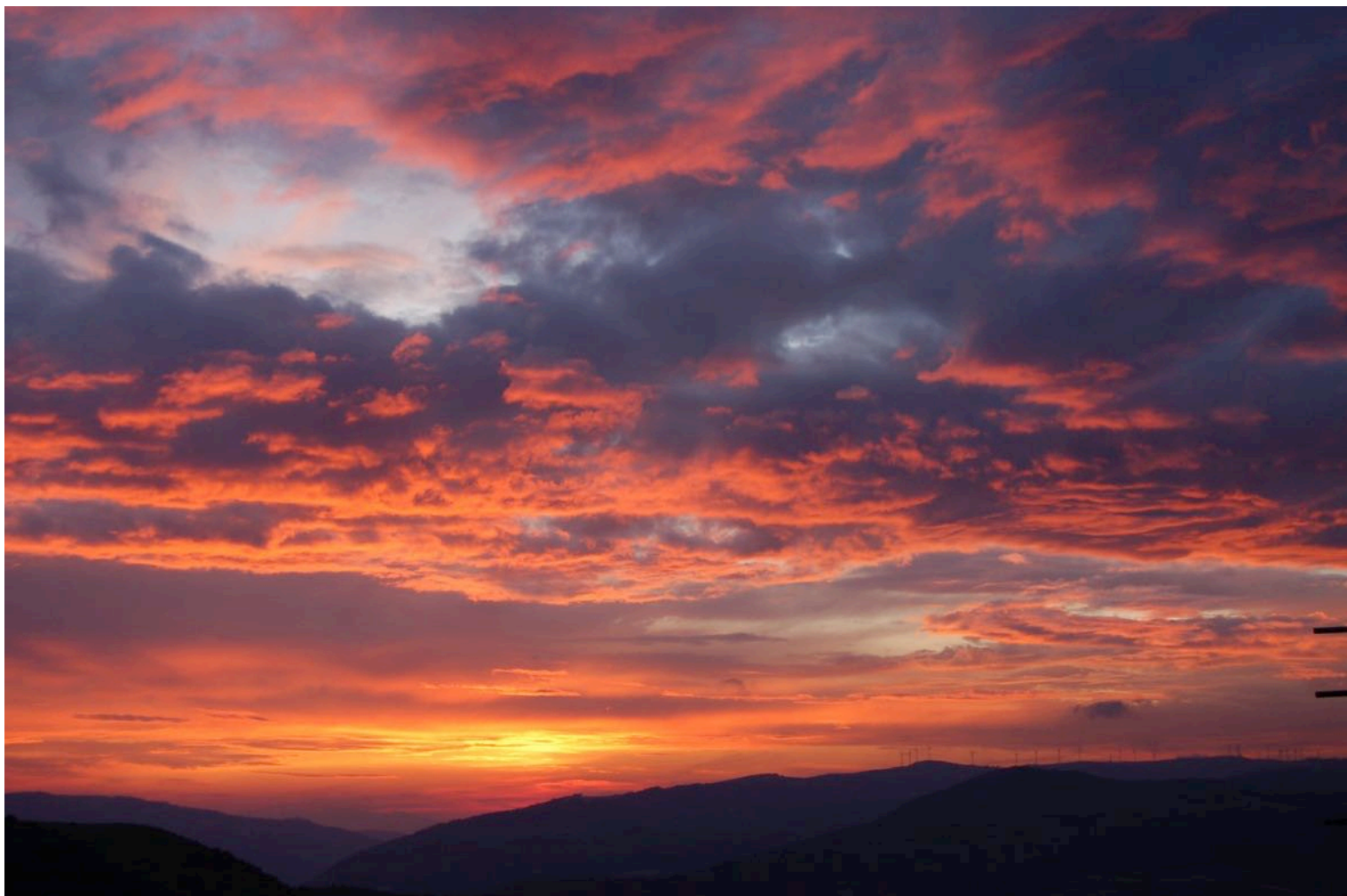
Золотые руки

Как, наверное, и везде, подлинные народные промыслы в Италии постепенно исчезают, уступая место туристическому кичу. Это особенно заметно в туристических мекках, но и в целом по стране ситуация сходная. Ручной труд дорог, плюс расходы на материалы – и цена кружевного воротничка уже зашкаливает. И кто его купит, когда на рынке можно купить немного хуже, но за 3 евро?..

А вот как раз рынки, особенно на севере, - это кладезь. В северных регионах в специально отведенные дни проводятся рынки антиквариата – и тут лови удачу! На юге такой системы нет, но и на блошиных рынках могут попасться очень интересные вещицы. Магазины мебели секонд-хэнд («узато») тоже могут очень порадовать, в том числе и ценами, там есть не только мебель, но и предметы интерьера.

Русский след

Рассказывать о русских, побывавших в Италии, или об итальянцах, связанных с Россией, бессмысленно – этому уже посвящены целые тома, но и они неполны. Поговорим лучше о том, почему. Почему Италия так манит и завораживает, почему невозможно с ней расстаться навсегда. Конечно, я говорю не о торопливых туристах, судорожно щелкающих фотоаппаратами...

А. Толстой писал: "Мы начали с Венеции, где мой дядя сделал значительные приобретения в старом дворце Гримани. Из Венеции мы поехали в Милан, Флоренцию, Рим и Неаполь, - и в каждом из этих городов рос во мне мой энтузиазм и любовь к искусству, так что по возвращении в Россию я впал в настоящую "тоску по родине", в какое-то отчаяние, вследствие которого я днем ничего не хотел есть, а по ночам рыдал, когда сны меня уносили в мой потерянный рай."

Это восприятие Италии как рая – одно из самых распространенных (я написала статью «Я знаю, как выглядит рай» - см. на сайте – уже после второго посещения Италии). У меня даже есть версия: когда Бог изгнал Адама и Еву, им удалось прихватить с собой маленький кусочек рая (наверное, спрятали под фиговым листом, куда ангелы-стражи не стали заглядывать), но в падении с неба на землю этот кусочек выскользнул и упал на полуостров...

В чем же причина? По-моему, не в красоте – Россия не менее красива, а золотая осень и снежная зима все же прекрасней этих сезонов в Италии.

Бердяев писал: «В последние дни у меня прямо тоска по Италии... Мы полны Италией, Флоренцией и красотой, блаженствуем, насколько это можно для русских людей, всегда о чем-то беспокоящихся». Вот это намек на одну из причин, гораздо более важных: в Италии нет беспокойства, мучительной неуверенности в завтрашнем дне – с голоду умереть невозможно, мало того, что земля рождает

съедобное в изобилии и круглый год (вспомним апельсиновую битву в Иврее, когда апельсины тоннами используются для швыряния в команду противников – смотреть невозможно...), так еще и благотворительные обеды не редкость. Нет жилья – есть туфовые пещеры. Нет одежды – ну, так ее много и не надо, шубы и сапоги явно ни к чему. Я, конечно, преувеличиваю, описываю не столько реальность, сколько ее восприятие. Хотя это восприятие не очень искаженное. Как-то я осталась в Италии совсем без денег (были проблемы с кредиткой и я ждала, пока мне перешлют новую), так все решилось крайне просто... И важна знаменитая итальянская готовность прийти на помощь. Однажды ночью на автостраде между двумя городами водительнице машины, на которой мы ехали, стало плохо, и она потеряла сознание. Ни я, ни вторая пассажирка водить тогда не умели, мы только чудом сумели остановить машину. Вызвали дорожную полицию, которая прибыла через 15 минут. Два улыбающихся полицейских подошли к нам со словами: «Не волнуйтесь, ваши проблемы уже кончились – мы приехали». И они действительно кончились... На собственном опыте знаю: если возникли трудности, надо пойти в центральный бар или в храм (в зависимости от типа трудностей) и рассказать о них – решение найдется. И не важно, что вы иностранец, проезжий, не особо владеющий итальянским. Вот это ощущение разрешимости всех проблем, тотальное отсутствие «безнадеги» - явный признак рая. Еще одна черта – каждый находит свою Италию, она для каждого припасла особый подарок. Герцен писал: «Эта резкость пределов, определенных характеров, самобытная личность всего: гор, долин, травы, города, населения каждого местечка одна из главных черт и особенностей Италии... В Италии все определено, ярко, каждый клочок земли, каждый городок имеет свою физиологию, каждая страсть – свою цель, каждый час – свое освещение, тени как ножом отрезаны от света...»

Гумилеву Италия ударяет в глаза своей яркостью, блеском - словом, избытком жизненных сил:

Как эмаль, сверкает море,
И багряные закаты
На готическом соборе
Словно гарпии, крылаты.

Гумилев весело сетует на «нецивилизованность»:

Но какой античной грязью
Полон город, и не вдруг
К золотому безобразью
Нас приучит буйный юг.

В его поэзии вообще нет русских городов, даже их названий. Города как бы остались для него в Европе - и их он охотно перечисляет в самих заглавиях стихов: «Рим», «Венеция», «Неаполь», «Генуя», «Болонья». Можно встретить в его стихах упоминание о Берлине, Париже, Константинополе, даже об Аддис-Абебе, а вот о Москве или Петербурге - нельзя. В гумилевской России - одни только «тихие углы», где идет, а вернее, стоит неподвижная, тусклая жизнь.

Одним из тех, кому давала приют Зинаида Волконская, был Гоголь, как известно, родившийся не в Италии, но, видимо, с юности о ней мечтавший. Во всяком случае, вскоре после окончания гимназии он опубликовал стихотворение «Италия». Но только спустя 8 лет ему удалось отправиться в путь.

В июне 1836 г. он уехал за границу, где пробыл потом, с перерывами приездов в Россию, в течение многих лет.

Правда, сразу попасть в Италию он не смог - там бушевала холера, и несколько месяцев Гоголь разъезжал по Европе. Прошло всего два с половиной года, и он, ненадолго вернувшись в Россию, пишет: «О, если б вы знали, какой там (в Риме) приют для того, чье сердце испытало утраты. Как наполняются там незаместимые пространства пустоты в нашей жизни!.. О мой Рим. Прекрасный мой, чудесный Рим».

Гоголь влюблен в Италию, как в девушку. Ему нравится в ней все – небо, облака с «серебряным блеском», солнечный свет, ночи, звезды, воздух. И он пишет другу: «Что тебе сказать об Италии? Она прекрасна. Она менее поразит с первого раза, нежели после. Только всматриваясь более и более, видишь и чувствуешь ее тайную прелесть». Уже чрез 3 года Гоголь пишет повесть «Рим», а когда в 1842 г. он водит по Вечному городу Россет-Смирнову, она отмечает, что «никто не знал лучше Рима, подобного чичероне не было и не может быть. Не было итальянского историка или хроникера, которого бы он не прочел, не было латинского писателя, которого бы он не знал; все, что относилось до исторического развития искусства, даже благочинности итальянской, ему было известно».

Гоголь превосходно знал итальянский, свободно, без ошибок, писал на нем, а это язык простой только в орфографии, но отнюдь не в синтаксисе. К тому же Николай Васильевич знал не только литературный итальянский, но и римский диалект, понимая на нем сатирические сонеты, что не легко даже для людей, значительно дольше проживших в Италии. Переживая летние месяцы в Баден-Бадене, Гоголь успевал соскучиться: «Сердце мое тоскует по Риму и по моей Италии!» И чуть позднее: «Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу – и уж на всю жизнь. Словом, Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить». Интересно, а для чего тогда Россия?..

Из многих россиян, влюбленных в Италию, писавших об Италии, здесь хочется рассказать об одном – Павле Муратове (1881-1950 гг.). Сын военного врача из Воронежской губернии, закончивший петербургский Институт путей сообщения, он перебрался в Москву и стал сначала помощником библиотекаря, а потом хранителя отдела изящных искусств и классических древностей Румянцевского музея. В 1908 г. он впервые попал в Италию. Павел был обречен на любовь к этой стране. Италия стала не только темой, но и стержнем его творчества. Когда после революции Муратову с семьей удалось выбраться в Европу, он поселился в Риме, около Piazza del Popolo, где жил до 1927 г. И оставил нам

огромный, умный и эмоциональный, труд – «Образы Италии», который знает любой россиянин, любящий не только Италию, но и просто искусство, культуру, историю. И хочется привести несколько его заметок.

«Чтобы подлинно узнать Италию, он (путешественник) должен преломить с ней вместе ее хлеб и разделить с ней чашу ее вина. Дары ее духа не должны закрыть от него щедрот ее солнца и ее земли... Всем нам, гостям Италии, давно следовало бы вменить это себе в обязанность. Глядеть на итальянские города только как на музеи, кладбища или романтические руины, для коих нынешние обитатели составляют лишь не всегда удачный стаффаж, - значит грешить против гостеприимства, которое нам всем оказывает страна и нация. Эта нация живет, дышит, существует; у нее есть не только прошлое, но и настоящее... Горе Италии – горе всего человечества, потому что Италия – это то счастье, ради которого людям еще стоит жить. Увидеть снова Италию – для скольких не сбылось и не сбудется это желание! Для скольких, однако, запечатлелись в образах Италии все образы божества, природы и человека. Итальянское путешествие должно быть одним из решительных душевных опытов... Не театр трагический или сентиментальный, не книга воспоминаний, не источник экзотических ощущений, но родной дом нашей души, живая страница нашей жизни, биение сердца, взволнованного великим и малым, такова Италия, и в этом ничто не может сравниться с ней. Никакими своими зрелищами, никакими чудесами своих искусств она не ослепляет и не оглушает нас. Она не подавляет никого и не вступает в противоборствования с внутренним существом современного человека. Ни одного мгновения не заставляет она нас испытывать оторванности от мира, пусть удивительного, но чуждого и замкнутого в себе. Щедрая и великодушная, она приемлет нас, вливает нам в душу медленными притоками свою мудрость и красоту, меняет постепенно первичную ткань нашего бытия, и мы произрастаем вместе с ней неприметно для самих себя, пока не скажет о том живая боль разлуки. В Италии все важно для нас и драгоценно... Нет неизменного в Италии, кроме того, что навязано ей чужими... Ценой неизбежных ломок и перемен нынешняя Италия приобретает свое право жить настоящим. Ощущение ее вечной жизненной стихии – вот то, что составляет истинный смысл итальянского путешествия... Мы возвращаемся из Италии с новым мироощущением слиянности начал и концов, единства истории и современности, неразрывности личного и всемирного, правды вечного круговорота вещей, более древней правды, чем скудная идея прогресса...»

Один из великих русских «итальянцев» (кажется, Тарковский) сказал, что у творческого человека есть две родины – место, где он родился, и Италия, родина его души. Здесь есть все для творчества: красота для глаз, безмятежность для души, необремененность для духа... А еще небо – огромное, ничем не ограниченное, совершенно разное, такое близкое, что иногда стелит свои облака тебе под ноги... под таким небом – да не воспарить невозможно...

И закончим свой экскурс словами Гоголя: «Никогда я не чувствовал себя так погруженным в такое спокойное блаженство. О Рим, Рим! О Италия! Чья рука вырвет меня отсюда...»

Дороги к храму

В Италии к храму ведет очень много дорог – и в прямом, и в переносном смысле. Дело в том, что Церковь играет большую роль практически во всех социальных процессах. Конечно, за последние пару столетий эта роль постепенно уменьшилась, но все равно остается значительной.

То ли благодаря существованию Папской области, то ли из-за непрерывных войн и нашествий, из-за которых светская власть была и воспринималась как временная и нестабильная, а скорее всего, из-за сочетания этих двух причин, Церковь сконцентрировала множество социальных функций. Вплоть до 16-17вв. она имела функцию ЗАГСа, ведя приходские книги, которые по сути были книгами записи актов гражданского состояния. Крещение, венчание, отпевание были не только актами веры, но и имели юридические последствия. И самым главным из них было наследственное право. Но, конечно, не только это. Огромную роль играли монастыри в социальной поддержке сирот, вдов, стариков, хронических больных – причем еще с евангельских времен. В Католической Церкви существует множество монашеских орденов – и мужских, и женских. Каждый орден имеет свое одеяние – и не только черное, но и белое, серое, коричневое, синее – и свою миссию. Есть ордена, посвященные заботе о подкидышах, о стариках, о женщинах в трудной ситуации, о профессиональном обучении подростков, о бездомных – но и ордена, занимающиеся искусствоведением, реставрацией, наукой. Самые первые университеты были образованы при монастырях, да и сейчас существуют католические университеты, в которых изучают отнюдь не только богословие. Так получается, что практически с любой проблемой можно обратиться в церковь. Приходские детские садики, благотворительные центры, больницы, дома паломников и студенческие общежития, городские праздники – да всего не перечислишь! Да, и не стоит забывать кулинарию – рецепты многих ликеров, сладостей, других блюд, были созданы в монастырях и по сей день носят их имя.

Я не

хочу говорить здесь о самой вере, о богослужениях – это дело личное. Роль Церкви в жизни общества, конечно, уменьшилась, особенно в крупных городах, а вот в мелких приход – это основная агрегирующая единица. Поскольку системы клубов, домов культуры, домов пионеров, столь знакомых нам в России, здесь нет, в большинстве городов нет даже кинотеатра, крайне мало местной прессы и вообще СМИ, именно приход – то место, где узнают местные новости, обсуждают местные проблемы, куда приводят детей в воскресную школу, ну, и так далее.

Кроме приходских храмов есть – хотя сегодня почти все они заброшены – церквушки, так сказать, проходные: они расположены в полях, на путях перегона скота, у водного источника. В их прохладной тишине можно было передохнуть, отдышаться – и помолиться. В таких церквушках часто витражи и картины

“иллюстрируют” основные молитвы, Крестный путь, розарий, так что если что подзабыл – они напомнят.

А еще есть огромное количество святилищ, куда жители окрестных городков и не только совершают паломничества, зачастую пешие: выходят на рассвете и идут несколько часов...

Получается, что не только я иду к храму – и храм идет ко мне, отзывается на мои нужды, слышит мои проблемы; нам крайне трудно, практически невозможно, обойтись друг без друга...

Что праздновать будем?

Праздников в Италии очень много: это и карнавалы, и исторические костюмированные шествия и соревнования, и празднования святых покровителей. Особая группа – сагры: гастрономические праздники, где можно попробовать местные продукты и блюда.

В большинстве случаев праздники концентрируются в январе, в период между Рождеством и началом Великого поста, и в августе, когда вся страна уходит в отпуск (это, кстати, интересная особенность – в августе закрывается все, офисы, магазины, предприятия, даже больницы работают только в режиме скорой помощи; обеспечиваются только жизненно необходимые услуги и туристические объекты).

Самый известный зимний праздник – карнавал.

Веселые кутежи, обжорство, игры, маски, праздничные шествия - карнавал многолик и многогранен. Часть его корней исследователи возводят к римским сатурналиям и празднованиям в честь завершения строительства храма Сатурна, когда римляне выходили на улицы с песнями, вознося хвалу "отцу богов". В "программу" праздника входили выборы "шефа", игры, состязания. А кутежи, обжорство и двусмысленные шуточки - это уже из вакханалий, Оттуда же и маски, помогавшие участникам веселых бесчинств остаться неузнанными. Христианство внесло свою лепту в развитие карнавала, вернее, в интерпретацию последнего. Карнавал, начинающийся после рождественского периода и заканчивающийся Великим постом - временем приготовления к смерти (не только Христа, но и каждого сораспявшегося с Ним христианина) - это и есть наша жизнь с ее бесшабашностью, а

зачастую и бессмысленностью, с торжеством плоти, иногда вопреки здравому смыслу. А потом - "после радостей - неприятности, по теории вероятности", как пелось в одной песенке.

Кроме самого карнавала есть еще и Carnevalino — первое воскресенье Великого поста, когда последний раз вспоминаются безумства карнавала, - и Carnevalone — 4 первых дня Великого поста, которые где-то становятся временем особой «аскезы» после допущенных в предыдущих «излишеств», а в Milano, где, видимо, считают, что слишком резкие переходы вредны и для тела, и для духа, - карнавал продолжается, лишь постепенно сходя на нет.

Карнавал в Италии многолик. Но почти всюду встречаются такие элементы, как маски, шествия, общие трапезы и состязания. По сути, наша масленица мало чем отличается от итальянского карнавала - здесь есть и маски, и ряженые, и медведя по улицам водят, и обжорству и попойке место находится, и шуточные состязания проходят. И происходит наша "масленица" в тот же период, что и Жирная неделя в Италии - накануне Великого поста.

В некоторых городах традиции карнавала возникли только в XIX в., а может быть, просто коренным образом изменились. Но об этом чуть позже.

Религиозные праздники тоже бывают очень разными - от обычных процессий до процессий «экзотических»: со статуей в окружении живых змей (см. Абруццо), с огромными и тяжелыми конструкциями - «свечами» (см. Умбрия), бегом, два шага вперед и шаг назад... Самыми впечатляющими являются праздники, на которых надо нести куда-то далеко что-нибудь очень тяжелое... Идея страдания - причем радостного - любопытно проявляется в них как соучастие в страданиях святого, в чью честь проходит процессия, и в его радости по достижении спасения и рая. И страдание это не умозрительное, а чисто физическое, реальное. Еще один тип праздника - инфьората - выкладывание на мостовых улиц и площадей картин из лепестков цветов и листьев.

Исторические праздники, обычно связанные с каким-то памятным событием, почти всегда включают в себя элемент состязания – конные скачки (см. Тоскана), состязание арбалетчиков и пр.

Есть два любопытных момента практически во всех праздниках. Во-первых, горожане к ним долго готовятся, иногда целый год. Проводят тренировки, готовят карнавальные повозки, придумываются картины для инфьораты, шьются костюмы. Таким образом сам праздник – только кульминация некоего процесса, объединяющего горожан.

И с этим связано «во-вторых»: даже если в путеводителях и рекламах написано, что праздник существует с древнейших времен, реальность несколько отличается. Большинство праздников благополучно «скончалось» как минимум пару веков назад. И было возрождено, целенаправленно и последовательно, в конце 40-х годов прошлого века. Италия вышла из Второй мировой войны побежденная и униженная, разрушенная и разобщенная (вспомним, что именно в ней был острый конфликт фашизма – сильно отличавшегося от фашизма немецкого – с силами сопротивления). Необходимо было найти идею, объединяющую жителей. Такой идеей и стало возрождение праздников. И надо сказать, что идея была плодотворной. Даже жаль, что нашим правителям она не пришла в голову...

Путешествие гастронома

Знаем ли мы итальянскую кухню? Мы знаем итальянскую кухню! По крайней мере, нам так кажется. Но, на всякий случай, присмотримся к ней повнимательней. Поначалу еда римлян была непривлекательна: полба, сыр из овечьего молока, простое вино. Каша из полбы (вид пшеницы), столь любимая пушкинским Балдой («Буду служить тебе славно, усердно и очень исправно, в год за три щелчка тебе по лбу, есть ж мне давай вареную полбу»), использовалась в начале всех жертвенных сожжений. Во время бракосочетания в жертву Юпитеру приносили хлеб из полбы и соль (отсюда и «хлебом-солью»). Любили римляне и чечевицу – ее называли *lens* «гнутая», от этого потом произошло слово «линза». Репа тоже входила в число яств. Это уже позже на столах знатных римлян появились павлины, соловьи, дрозды, муравьи... По существующему поверью, съевший зайца станет красавцем, а дроздов прописывали при разных недомоганиях. Это уже потом был Лукулл, потом итальянцы учили французов готовить...

Но то, что сегодня считается символами итальянской кухни, на самом деле появилось в Италии достаточно поздно. Помидоры привезли в XVI в. из Южной Америки – тогда это был желтый плод размером с вишню и назывался «золотым яблоком». Макароны появились где-то в XII в. Генрих Гейне писал: «Слишком уж часто вспоминаю я об Италии, и чаще всего по ночам. Третьего дня мне приснилось, что я в Италии, что я пестрый арлекин и лежу весьма лениво под плакучей ивой. Но нависшие ветви этой плакучей ивы оказались самыми настоящими макаронами, ниспадавшими столь протяжно и приятно до самого моего рта; сквозь эту макаронную листву текли вместо солнечных лучей потоки желтого масла, и в конце концов сверху пролился белый дождь из натертого пармезана... Макароны, однако, нужно есть пальцами, и тогда они называются Беатриче!». Первая пиццерия была

открыта только в 1830 г., хотя рецепт пиццы изложен в кулинарной книге XVI в. Рис, а, следовательно, и ризотто появился в XV в. О кофе европейцы узнали в 1592 г.

Из овощей нам, пожалуй, больше всего известна инсалата – огромное количество листовых салатов чуть ли не всех цветов радуги. В пищу идет и ботва свеклы, репы, и цикорий. А вот картошки почти нет, да и сахарную свеклу и блюда из нее днем с огнем не найдешь. Из фруктов вспоминаются прежде всего апельсины-корольки и виноград, хотя, конечно, их гораздо больше, настолько много, что когда итальянцев спрашивают, что они предпочитают, фрукты или дольче – сласти, - все дружно выбирают дольче. И так повелось издавна. Карнавал в Ченто, на родине Джованни Франческо Барбиери по прозвищу Гуерчино, жившего здесь до 1642 г., изображен на его фресках. В Жирный четверг магистрат устраивал прием, в котором могли участвовать все, имеющие приличную одежду. С балконов в толпу кидали карамель, шоколадки и игрушки. А в конце праздничного периода наступало время особого ритуала - сожжения огромной куклы из папье-маше - Тази, одетого во фрак. По преданию, это продавец фруктов, любитель выпивки, которого жена поставила перед выбором: или семья, или пьянство. И он выбрал вино.

Из злаков, кроме пшеницы и риса, широко распространена кукуруза, а вот гречиха считается пищей бедняков. Карнавал в Сантии длится с Епифании. В центре праздника - гигантская тарелка фасоли. Этот вкусный овощ дал название обществу, занимающемуся подготовкой карнавала. Жители города с гордостью вступают в него на 101 год. Церемония приема в члены общества происходит очень торжественно и состоит из "прищипывания" из одной чаши изысканным вином. Они собирают с окрестных деревень продукты на "тарелку фасоли". А на исходе дня горожане, напробовавшись колбас и молодого вина, танцующей вереницей обходят весь город и возвращаются в исходный пункт. В Путиньяно в Жирный вторник устраивается шествие кукол, и конечно, Фаринеллы - символа

процессии. Свое имя она получила от поджаренного ячменя и молотых зерен, очень популярных в древней местной кухне.

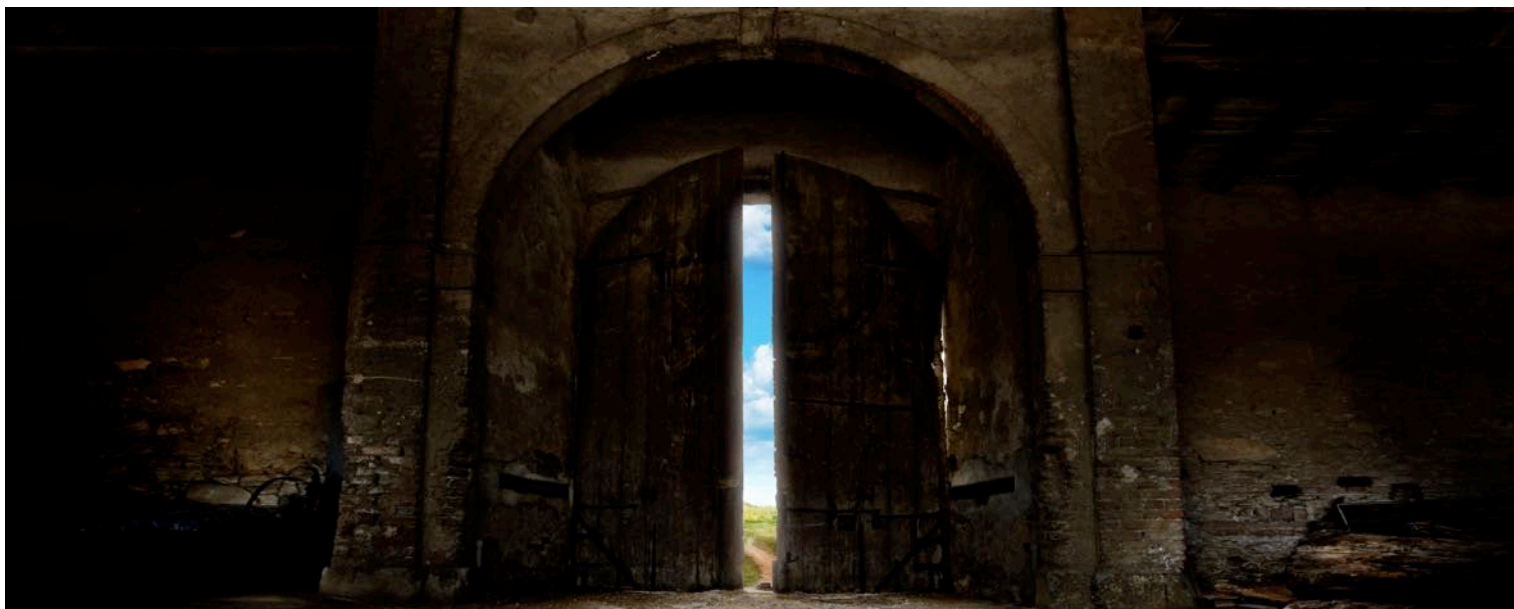
Пармская ветчина известна во всем мире, равно как и окорок Сан Даниеле. Не уступают им в славе сыры - пармезан, gorgonzola, mozzarella. Кстати, сыры эти были известны еще при Гомере.

Не менее знаменито итальянское вино – мальвазия, мускат, pino, chianti, caberne, lambrusco, merlo, spumante. Ликеры Limoncello и Amaretto, граппа и самбука тоже хорошо известны в России. Ну, и нельзя забыть о кофе – espresso (чашечка с парой глотков крепчайшего кофе), macchiato (с капелькой молока), lungo (большая чашка), corretto (с добавлением граппы), cafe con panna (со взбитыми сливками) и знаменитый капучино (со взбитым в пену молоком и какао). Что касается блюд, то, наверно, всем россиянам известны пицца, паста, risotto, macedonia, polenta. Надо сказать, итальянцы умеют и любят и поесть, и попить. В Кастельгоффредо в конце карнавала празднуют Пятницу Клецов. "Короля" в маске с большими усами, обжору и доброго пьяницу, коронует "первый министр" под аплодисменты толпы и всего "двора". По традиции Королем клецов может стать горожанин весом не менее центнера, ростом не ниже 180 см, часто и охотно предающийся обжорству, в основном клецками. На площади ему вручают ключи от города и весь этот день он - безоговорочный и абсолютный правитель, основная задача которого - проведение вечером грандиозного пира клецов и вина. Карнавал в Ронгильоне тоже связан с едой, но в особой форме. Около 300 ужасных масок с красными носами пьяниц, в длинных ночных рубашках, с ермолками на головах под звуки своего гимна проходят по городу, держа в руках большие деревянные вилки и ночные горшки с дымящимися макаронами в соусе, которые заставляют всех попробовать. И надо проявить известную ловкость, чтобы не заляпать подливой блузу или пиджак.

Как известно, итальянцы не склонны делать различия между, скажем, макаронами и равиоли: все мучные изделия с наполнителями у них называются пастой. Блюда из обработанных злаков появились у всех народов мира, занимающихся земледелием, примерно одновременно: из пшеницы и ячменя – у народов Средиземноморья, из гречки – у жителей северной Африки, из овса – у северных европейцев, из маиса – у обитателей центральной Америки, из ржи – в англосаксонских странах. Слово

«макаронны», например, имеет корни в разговорном древнегреческом, а первые изображения инструментов для приготовления чего-то похожего на равиоли были найдены на рельефах в этрусской гробнице VI в. до н. э. Если резюмировать исторические изыскания, то можно заметить, что в истории пасты произошло несколько кулинарных революций: 1) III тыс. лет до н. э. – мучную смесь начали варить в соленой воде; 2) II в. н. э. – тесто начали резать на длинные полоски; 3) XII в. – пасту посыпали сыром; 4) XVII в. – пасту смешали с помидорами (кстати, впервые это совершили как раз неаполитанцы) Одна проблема: будучи любимейшим народным блюдом, паста в то же время не допускалась на столы благородных особ из-за плебейского обычая есть ее руками. Вплоть до XVIII в. аристократические снобы мучились, тайком поедая любимые макароны в подсобных чуланчиках, пока, наконец, предприимчивый придворный Фердинанда II, Gennaro Spadaccini, не предложил гениальную идею – использовать вилку с четырьмя зубцами для изящного накручивания макаронных нитей. С тех пор пасты в обязательном порядке стали присутствовать на дворцовых обедах и начали свое победное шествие по столам иностранных держав. Паста в узком, чисто «макаронном» значении, то многообразие ее сортов поражает. Их около 200, но названия всех итальянцы знают, как «Ave Maria»: феттучине, ригатони, квадручче, пипе, лингвине, анелли... Фундаментальное различие заключается в пшенице. Зерно твердых сортов растет преимущественно на юге Италии, а зерно мягких сортов предпочитает влажный климат дельты реки По. В этом географическом разделении есть причина исторического предпочтения северянами *pasta secca* (дословно «паста сухая»), а южанами – *pasta fresca* (дословно «паста свежая»). Сухая паста – это, собственно, те твердые хрустящие макароны в пакетах, к которым мы привыкли. А вот со свежей пастой дело обстоит сложнее: аналогов в русских гастрономах не найти. Это домашние макароны из свежесмешанного теста, их едят сразу же после приготовления. Второй принцип классификации пасты – добавки в тесто. Подвид *pasta fresca* – *pasta all'uovo* – делается с добавлением яйца. Макароны получают приятного желто-охристого цвета и оригинального вкуса. Добавление трав и овощей влияет не столько на вкус, сколько на цвет. Шпинат, например, окрашивает пасту в цвет хаки, перец – в оранжеватый, томат – в красно-терракотовый, а чернила каракатицы – в черный. Девушка не готова к замужеству, если не может приготовить пасту хотя бы 15-ю способами.

Я поведу тебя в страну-музей

По сути, Италия – страна-музей, в ней сосредоточена большая часть памятников ЮНЕСКО. Есть целые города-музеи официально признанные таковыми, но есть и маленькие городки, вполне достойные этого звания.

Что любопытно – музеев в привычном смысле слова, то есть специально построенного здания, в котором выставлены экспонаты, не так уж много. Гораздо больше музеев-замков, дворцов, монастырей, зачастую сохранивших свой исторический облик. Много археологических парков и парков-природных заповедников. Есть сафари-парки, аквариумы, парки развлечений. Но большинство художественно-исторических сокровищ находится в действующих храмах, причем далеко не только в кафедральных соборах крупных городов. В маленькой церквушке затерянного в горах городка можно полюбоваться очередным шедевром. Именно это поражает меня больше всего...

Но не забудем и про природу. Подводные гроты, пещерные комплексы, действующие вулканы, причудливо выветренные скалы... Скажите честно – чего вам еще не хватает? Наверняка и это есть, найдем.

Нет, конечно, и в России все это есть, но где-то далеко и все разбросано. Я живу в далеко не самом туристическом районе, но в пределах двух часов езды можно добраться до шести исторических и двух природных памятников ЮНЕСКО, четырех городов-музеев, сафари-парка, двух пещерных комплексов, одного комплекса подводных гротов, одного вулкана и четырех морей... Вот эта плотность чудес на один квадратный километр – второе, что изумляет. А когда перестанешь бегать по музеям и сядешь на веранде бара с домашним мороженым и чашечкой кофе, лениво переводя взгляд с прохожих на

колокольню храма, потом на причудливый узор балконов, потом на цветы в чем-то саду, потом на горы, сиреневеющие вдали, потом на море, плещущееся у ног... Тогда и поймешь, что Италия – страна-музей.

